

В. М. ШУЛЯТИКОВ

Душевная драма Некрасова

Недавнее чтение Некрасова воскрешает память об одной из самых острых и мучительных «душевных» драм, какие только знает летопись русской литературы.

Мы говорим о душевной драме, пережитой певцом «униженных и обиженных».

Его душевная драма издавна приковывала к себе особенное внимание как со стороны критики, так и со стороны широких кругов читающей публики. Отдельные моменты этой драмы уже достаточно освещены. И уже теперь, на основании того, что известно о жизни поэта, можно выяснить общий характер его драмы, понять ее основу.

Для этого только требуется отрешиться от «индивидуалистической» точка зрения. Необходимо рассматривать душевную драму Некрасова в связи с общественной драмой, разыгравшейся в его время и известной под именем «спора отцов и детей». Нужно оценить его драму, как один из наиболее ярких эпизодов названного спора.

Спор «отцов и детей» сводится, — как ныне выяснено*, — к конфликту двух общественных мирозерцаний.

Отцы — это представители интеллигентно-барской культуры, усвоившей себе в «сороковые» годы некоторые предпосылки разночинской идеологии, но отказавшиеся признать свою солидарность со своими историческими преемниками в решительную минуту, т.е. тогда, когда те, как известная сила, впервые выступили на историческую авансцену и впервые оформили в стройной системе свои практические взгляды.

Некрасов явился участником «спора».

* См. статью В. Богучарского в «Мире Божьем» (1901 г., ноябрь)¹. К сожалению, автор слишком прямолинейными штрихами характеризует людей «сороковых» годов. Влияние разночинской «культуры» на «отцов» г. Богучарским совершенно упущено.

По происхождению он принадлежал к лагерю «отцов». Но «отцы» не могли его считать своим: они видели в нем лишь носителя «нового» мировоззрения; они, безусловно, отождествляли его со своими противниками (как это явствует, напр., из некоторых писем Тургенева).

И, действительно, Некрасов находился в стане разночинцев, исповедовал их, работал в защиту их интересов, считался одним из наиболее верных и энергичных их союзников.

Но этой почетной ролью далеко не исчерпывалось содержание его жизни. Заявляя себе поборником «нового» мировоззрения, отстаивая «средо» «детей» перед «отцами», он в то же время был принужден вести другого рода борьбу — борьбу менее почетную и менее плодотворную, требовавшую великих усилий и подававшую очень мало надежды на благополучный исход.

Он вел борьбу с самим собой; в его душе отголоски старины, старины «феодальной» и аристократической враждовали против тенденций, характеризовавших его как и «нового человека». Другими словами, в глубине его внутреннего мира происходил все тот же спор «отцов и детей». И перенесенный в глубину его внутреннего мира «спор отцов и детей» создал его «душевную драму».

Драма была особенно тяжелая, потому что обе противных стороны располагали большими средствами, потому что и элемент старины, и новые тенденции были органическими явлениями его душевной жизни.

«Старые» барские наклонности и вкусы он получил как родовое наследство.

С «новыми» людьми его объединяла не платоническая, питающаяся исключительно доводами разума привязанность. Нет; его «разночинская» симпатии были куплены ценой трудного жизненного опыта, ценой «мучительной борьбы», имевшей место в дни его молодости.

Судьба Некрасова в молодости — судьба интеллигентного пролетария. — Двадцатилетним юношей покинул «отчий» дом, он познакомился с такими условиями борьбы за существование, каких до него не видел ни один из корифеев «дворянской» литературы начала XIX столетия. Добывая скудный заработок, а часто оставаясь без копейки в кармане, он скитался по «петербургским углам», постоянно рискуя быть выброшенным, как из машины винт негодный, за борт жизни, «голодал подолгу».

«Голодный труд», его «попутчик лукавый», заставил его подойти к «низам» жизни, заставил его взглянуть на мир сквозь призму трезвого реализма, задуматься над вопросом о богатстве и бедности, одушевил его сознанием солидарности с представителями трудящихся народных слоев, наполнил его сердце «гражданской» печалью, властным словом велел ему искать путей «истины».

Почва для восприятия нового мировоззрения была дана... И Некрасов нашел себе «вестника добра», пророков «новой» истины в лице великого «разночинца» — Белинского.

Вот почему он воспел такой восторженный гимн Белинскому. Вот почему (как удостоверяет его автобиографическая поэма «Несчастные» *) он считал знакомство важнейшим событием своей жизни, и влиянию его проповеди на себя приписывал громадное решающее значение. Вот почему на фоне всей современной ему «дореформенной» эпохи он усмотрел и высоко оценил только одну героическую фигуру. Вот почему он сравнил Белинского с могучим орлом, наделенным «царственной силой», — парящим под облаками.

Впоследствии Некрасов воспел и других орлов — других теоретиков «разночинской интеллигенции». И точно так же признал за ними — за критиками-шестидесятниками исключительное, благотворное воздействие на себя. Точно так же они были наиболее дорогими и близкими его душе людьми...

«Новое» мирозерцание было воспринято и усвоено. Песни Некрасова явились художественной иллюстрацией «разночинских» взглядов.

Идя по стопам «разночинцев», Некрасов дал суровую оценку всей культуре «отцов». Он охарактеризовал последних, как людей парализованных в своих волевых импульсах, неспособных глубоко чувствовать, не умевших победить собственную «лень» и душевную апатию, но шедших далее отвлеченных рассуждений и фраз, — как людей, в конце концов, подчинившихся чувству «горького бессилия», остановившихся на распутье (см., напр., «Сашу» и «Медвежью охоту».)

Им противопоставил он людей сильных, цельных, самодовлеющих, богатых волей и энергией личности, людей, освобожденных от всяких предрассудков.

Этот идеал личности, как известно, провозгласили «разночинцы», выступая на историческое поприще: провозглашая его, они подводили итоги приобретенного опыта. Их идеал — есть апофеоз тех психических

* Г. Гриневиц (в своей статье, напечатанной в ноябрьской книжке «Русского богатства») доказал, что в образе Крота Некрасов обрисовал не Достоевского (как совершенно ошибочно принято думать), а Белинского². Поэма «Несчастные» получает, таким образом, совершенно новое освещение, и ее ценность, как автобиографического произведения, значительно увеличивается. — Только напрасно г. Гриневиц прибегает к довольно натянутому и замысловатому объяснению того факта, что героями поэмы изображены каторжники. Мы имеем в данном случае просто дело с удачной аллегорией: тюрьма — это изображение «дореформенного» строя.

качеств, способностей и стремлений, с помощью которых они приобрели себе право на жизнь и которые дали им неизмеримое преимущество перед людьми «старого» поколения.

Некрасову их идеал был особенно близок, потому что данные его собственного опыта намечали этот идеал. Некрасов признавал, что развитию в себе индивидуальных сил — привычке не «искать опоры» вне себя — он обязан очень многим, что именно названные привычки заставили его «идти своим путем» («На Волге»).

Силу личности сообщает труд — учили разночинцы; в бездействии кроется гибель... И Некрасов развивал их мысль, проповедуя о «доверенности великой» к труду... К труду «бескорыстному».

Именно такому труду поклонялись разночинцы, а не труду как средству к личному обогащению: ничего общего с буржуазными теоретиками «труда» они, конечно, не имели. Истинным трудом, могущим способствовать развитию личности, они считали только такой, который отвечал «общему благу».

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут ваши внуки,
Когда разбогатеет Русь!
Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И меркнет на клейменом теле,
Когда почием от труда.
Пускай томимся голодом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы³.

Вот о каком труде говорила «разночинская» доктрина.

Некрасов доказывал, что истинная любовь к человечеству должна иметь своим источником сильно развитую ненависть к темным явлениям жизни. «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», — заявлял он.

Альтруистические чувства, согласно доктрине разночинца, должны быть направлены на крестьянскую массу. К крестьянству разночинцы были ближе во многих отношениях, чем «крепостническая интеллигенция». Вот почему гражданская скорбь «разночинцев» вылилась в народнические теории. Опыт молодости, «скитальческие» годы сделали сердце Некрасова доступным для широко-альтруистических чувств. Разночинская проповедь дала указание, кому должны были принадлежать его симпатии.

И он заявил себя как апостол народничества, как вдохновенный певец «крестьянского горя».

Но выйти совершенно из-под власти «феодальной» старины ему не удалось. «Старина, к несчастью, имела своих злобствующих».

Наследственные наклонности, «отцовские» инстинкты не были в нем убиты, а лишь подавлены и усыплены: они часто просыпались в нем, вносили смуту в его душевный мир, заставляли его на практике часто противоречить самому себе, своим «разночинским» убеждениям.

Некрасов проповедовал идеал цельной, сильной, самодовлеющей, энергичной личности, произносил обвинительный приговор над несамостоятельными, романтическими, барскими натурами.

Но в нем самом романтически-барских элементов было достаточно много. Заявляя, что он привык «не искать опор» вне себя, он в то же время сильно страдал от этой привычки и прямо указывал на нее, как на один из главных источников своей душевной неуравновешенности (см. стих. «Неизвестному другу»).

Тоска одиночества (т.е. та тоска, о которой преимущественно любили распространяться романтики) — вот обычная тема его элегических произведений.

В ранней молодости он чувствовал себя несчастным потому, что вокруг него была «пустыня» («Несчастные»). «Безлюдье, степь!» — восклицал он с отчаянием, характеризуя эпоху «сороковых» годов (ibid).

Отвечая в шестидесятые годы на раздавшиеся против него обвинения в непоследовательности, он оправдывался сетованиями на одиночество:

Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьей,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прошли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов все больше на пути,
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о, родина! прости!..⁴

Создавая культ труда, он в то же время сознается, что труд не воспитал в нем особенной уверенности в себе и своих силах. Напротив, труд понизил уровень его жизнеспособности. «Праздник жизни, молодости годы я убил под тяжестью труда», — заявляет он. «Трудовая»

пора его жизни, по его словам, посадила в его душе «привычки робкой тишины»...

Проповедуя «любовь враждебным словом отрицания», он в то же время убеждался, что его душа, в сущности, была очень мало склонна к «необузданной вражде».

В душе озлобленной, но любящей и нежной,
Непрочен был порыв жестокости мятежной⁵.

Он причислял себя как раз к тем людям, которые не в состоянии «научиться» любви, потому что они лишены способности «сильно ненавидеть».

Выступая в роли сурового певца-гражданина, отвергнув «спокойное» искусство, — поэзию «звуков чистых и молитв», — он в то же время не мог дойти до абсолютного отрицания «эстетики». Временами он как бы оправдывался перед читателями за то, что служит строго-идейному искусству. Он с оттенком сожаления говорил:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!
Нет в тебе творящего искусства...⁶

В жрецах «спокойного искусства» он склонен был признавать представителей великого ума...

Одним словом, за чертами сурового гражданина, сторонника «разночинского» ригоризма можно было разглядеть старые знакомые черты прекраснодушного идеалиста, сентиментального «барича». Легенда гласит, что иногда и обнаруживались и другие стороны «барской» натуры. Но мы не хотим верить легенде.

Мы пишем не обвинительный акт — совсем напротив: наша цель подчеркнуть трагическое в облике Некрасова, и потому только мы отметили ряд органических противоречий его натуры.

Но самый трагический элемент его жизни заключался в его отношениях к народу.

Стремясь принадлежать сердцем и помыслами народу, он в то же время сознавал невозможность для себя слиться с народом, постоянно чувствовал, что он и народ чужды друг другу. Их не связывали друг с другом никакие интимные родственные узы. По образному выражению Некрасова, между ним и народом были общей только «одна капля крови». Все остальное — его «барское» происхождение, барские привычки, социальное положение разделяли их друг от друга непроницаемой стеной.

Сознание своей «отчужденности» от народа приводило его к самым пессимистическим выводам. Он, все время воспевавший «народные страдания», он, считавшийся «народным поэтом», нередко сомневался в том, может ли он быть полезным народу и знает ли он народ. Нередко он останавливался перед народом, как перед загадочным сфинксом.

Незадолго до смерти он в следующих словах обрисовал драматизм своего положения:

Скоро стану добычею тленья:
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.
Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал,
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал⁷.

Правда, в другие минуты поэта посещала утешающая надежда: он проникался уверенностью в том, что когда-нибудь потомство увенчает его «венком любви», и песни его дойдут до народа — (истекшие двадцать пять лет показали, насколько неосновательна была пессимистическая оценка своего литературного значения). — Но, во всяком случае, приведенная выше цитата, выясняя, до каких крайних пределов доходил душевный разлад поэта, раскрывает всю трагическую глубину этого разлада.

